

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

*Секьюритизация дискурса «мягкой силы»
в российских международно-политических исследованиях*

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ДИСКУРСА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИЙСКИХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Юдин Н.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Заместитель директора по исследованиям и разработкам, Центр проблем безопасности и развития ФМП МГУ (Москва, Россия)

nicolas.yudin@gmail.com

Аннотация:

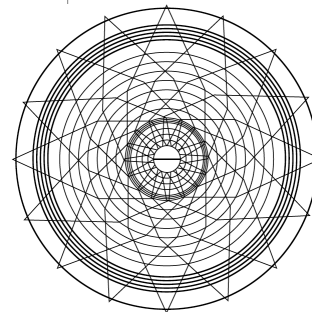
Политическая наука в силу специфики предмета своего изучения всегда отличалась повышенной ангажированностью, зависимостью от социально-политического контекста, иногда граничащего с откровенной конъюнктурностью. Исследования «мягкой силы» как в России, так и за рубежом могут служить тому прекрасной иллюстрацией. В частности, допустив некоторое преувеличение, можно сказать, что события «украинского кризиса» стали рубежом в исследованиях этой проблематики в России, разделив их на до и после. С 2014 года растущую популярность стали приобретать работы, авторы которых крайне негативно оценивают суть и содержание концепции «мягкой силы», рассматривая ее как эвфемизм манипулятивных политтехнологий, направленных на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране, как простое прикрытие широкомасштабной информационно-пропагандистской войны, развернутой странами Запада во главе с США против своих конкурентов на международной арене. Отражая, с одной стороны, объективные тенденции в развитии современных международных отношений, связанные с резким обострением конкуренции между ведущими центрами силы, эти работы, с другой стороны, сами по себе представляют весьма интересный историографический феномен, который позволяет лучше понять состояние международно-политических исследований в настоящий момент в целом. Для этого в настоящей статье предпринимается попытка проанализировать российские исследования «мягкой силы», представляющие условное «алармистское» направление, через призму теории секьюритизации. При этом за основу берется узкое, постмодернистское понимание этой теории, согласно которому безопасность рассматривается как особая дискурсивная практика, а термин «секьюритизация» служит для описания специфического механизма конструирования вызовов и угроз.

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

Секьюритизация дискурса «мягкой силы»

в российских международно-политических исследованиях

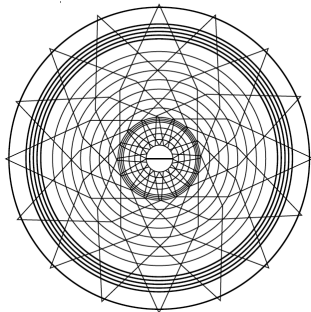

Вопреки подчеркнуто серьезному тону алармистских публикаций, элемент секьюритизирующего конструирования в них выражен очень ярко, особенно, когда речь заходит о феномене «цветных революций». В результате, имея в своей основе стремление содействовать поддержанию национальной безопасности в турбулентной международной обстановке, алармистские работы могут иметь эффект прямо противоположный. В объяснении движущих сил мировой политики они, будучи основанными на идеалистической философской традиции, склонны абсолютизировать роль субъективных факторов. Это ведет к недооценке роли объективных закономерностей в развитии международных отношений, углублению разрыва между теорией и нуждами прикладного политического анализа. Данные негативные тенденции становятся особенно опасными, когда речь идет о необходимости принятия взвешенных стратегических решений в условиях нарастающего внешнего давления и ограниченности ресурсов, с которыми сталкивается в настоящий момент Российская Федерация.

Ключевые слова: «мягкая сила», теория секьюритизации, национальная безопасность, цветные революции, постмодернизм.

Исследования проблематики «мягкой силы» могут похвастаться пусть и не очень долгой, но насыщенной и, в самом деле, весьма яркой и показательной историей как в зарубежной, так и в отечественной международно-политической науке. Родимым пятном концепции «мягкой силы», во многом предопределившим всю ее дальнейшую судьбу, было то обстоятельство, что с самого начала она задумывалась ее создателем Дж. С. Наем не только и не столько как чисто научная категория, сколько как определенный политический конструкт, лозунг, призванный задать новые ориентиры американской внешней политике в постбиполярном мире (см. подробнее: Юдин 2014). Отчасти по этой причине (хотя, как будет показано далее, на самом деле корни проблемы уходят гораздо глубже и затрагивают самые основания современной политической науки) последующие исследования «мягкой силы» практически сразу приобрели ярко выраженный ангажированный, конъюнктурный и, как следствие, несколько легковесный характер, приближаясь по жанру скорее к публицистике, нежели к серьезным научным работам. В то же время, данное обстоятельство превращает концепцию «мягкой силы» в чрезвычайно интересный объект для изучения истории и закономерностей развития политологической мысли в последние годы и открывает перспективы для выхода на гораздо более широкие обобщения, важные для понимания специфики современного состояния международных отношений.

В центре внимания данной статьи окажутся, прежде всего, труды отечественных специалистов, однако это не означает, что сделанные выводы и наблюдения применимы только и исключительно к российским реалиям. В данном случае российские исследования «мягкой силы» выступают ярким

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

*Секьюритизация дискурса «мягкой силы»
в российских международно-политических исследованиях*

примером фундаментальных процессов и тенденций, характеризующих развитие современной политологии в целом.

Несмотря на кажущееся бесконечное разнообразие мнений касательно сущности феномена «мягкой силы», его границ, применимости и эффективности соответствующих политических практик, в отечественных исследованиях «мягкой силы» можно условно выделить два больших направления. Первое, опять-таки очень условно, можно назвать «гражданским». Его представители склонны в целом придерживаться наевского определения «мягкой силы» (Най 2014), используя тезисы этого американского ученого об основных источниках, ресурсах и отличительных чертах рассматриваемого феномена либо для построения собственных концепций (Лебедева 2017; Алексеева 2016; Братерский, Скриба 2014; Паршин 2013, 2014; Леонова 2013, 2014; Косачев 2012), либо просто для уточнения и развития его идей, использования их для изучения тех или иных феноменов современных международных отношений или отдельных страновых кейсов (Кокошин, Громыко, Сидоров 2014). Сюда же относятся практически все эмпирические (Bryane, Harwell, Nureev 2014; Rapid-growth markets soft power index 2012) и теоретические исследования рейтингов «мягкой силы» (Белов 2018; Иванов, Иванова 2015а, 2015b; Песцов, Бобыло 2015; Харитоновна 2015; Королев, Владимирова, Трунина 2014). В центре внимания подобных работ оказываются проблемы формирования, поддержания и укрепления положительного имиджа государства на международной арене; понятие «привлекательности» (Панова 2010); культурная, публичная (Кубышкин, Цветкова 2013) и спортивная дипломатия (Воинов 2014); роль высшего образования (Антюхова 2019; Торкунов 2013). Однако в последние годы как в академическом, так и в публичном дискурсе по проблемам «мягкой силы» стало набирать популярность другое направление, которое условно можно обозначить как «алармистское». Оно присутствовало в российских исследованиях «мягкой силы» едва ли не с самого момента их зарождения, но получило колоссальный импульс к своему развитию после событий «украинского кризиса». Отличительной его чертой является то, что, не идя в критическом анализе наевской концепции дальше представителей первого направления, его сторонники склонны рассматривать «мягкую силу» как исключительно пропагандистский конструкт, эвфемизм информационной войны. Именно на этом, втором направлении, представляется целесообразным остановиться подробнее, поскольку его анализ открывает выход на более широкие обобщения касательно современного состояния научной рефлексии мирополитических процессов и тенденций в целом.

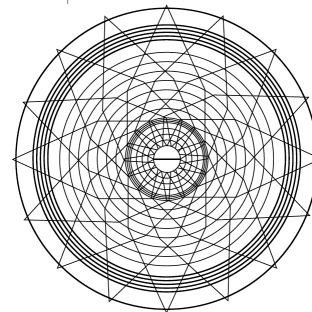
Таким образом, данное исследование преследует двоякую цель: с одной стороны, выявить специфические особенности алармистского дискурса в российских исследованиях «мягкой силы», а с другой – попытаться вписать его в более широкий контекст современных тенденций развития науки о международных отношениях.

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

Секьюритизация дискурса «мягкой силы»

в российских международно-политических исследованиях

В решении этой задачи мы будем опираться на положения теории секьюритизации — весьма популярного подхода, активно используемого к месту и не к месту в зарубежных и отечественных международно-политических исследованиях в настоящий момент, однако и они нуждаются в некотором предварительном уточнении.

Теория секьюритизации как инструмент дискурс-анализа

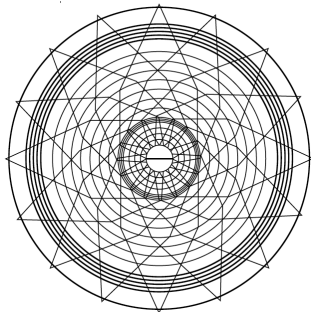
Дело в том, что теория секьюритизации, разработанная основателями так называемой копенгагенской школы Б. Бузаном и О. Уэвером, отличается крайней противоречивостью теоретических, методологических оснований и, как следствие, порождает ряд концептуальных трудностей, когда речь заходит о ее практическом применении при изучении внутри- и внешнеполитических процессов и явлений и критическом анализе построенных на ней оценок и мнений.

Эта противоречивость объясняется тем, что в построениях Б. Бузана, О. Уэвера и многих их последующих толкователей наблюдается неосознанное и методологически совершенно неоправданное смешение двух, по сути взаимоисключающих, традиций научной мысли: позитивистской и постмодернистской (см. подробнее: Юдин 2017). Несмотря на то, что обе они лежат в русле идеалистической философии, их разделяет ряд существенных отличий.

Так, позитивистские подходы допускают, пусть и с оговорками, существование некой объективной реальности и возможность ее познания. Применительно к теории международных отношений речь идет, в частности, о признании объективного существования государств, обладающих специфическими рациональными интересами и целями, сталкивающимися с объективными угрозами, которые нуждаются в парировании.

В свою очередь постпозитивистские (постмодернистские, постструктуралистские) подходы в теории международных отношений исходят из идеи об имманентно-дискурсивной природе всех социальных феноменов, от отдельного индивида до международного порядка в целом. Это влечет за собой принципиальное отрицание существования неких предзаданных, внедискурсивных оснований, относительно которых те или иные явления и процессы международных отношений могут быть оценены как «объективные», «реальные»; предполагает признание имманентно-субъективной природы любого знания о процессах, явлениях и акторах мировой политики.

На первый взгляд, теория секьюритизации полностью лежит в русле постмодернистских подходов. Так, безопасность трактуется Б. Бузаном и О. Уэвером как особая дискурсивная интерсубъективная практика, «речевой акт», в ходе которого некая проблема представляется как экзистенциальная угроза для референтного объекта, «секьюритизируется» (Buzan, Waever, de Wilde 1998: 21–24; Buzan 1997: 13–14). Вопрос о «реальности» секьюритизируемой проблемы

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

*Секьюритизация дискурса «мягкой силы»
в российских международно-политических исследованиях*

даже не ставится, он автоматически выносится за скобки. Все, что подлежит исследованию, — это особая самодостаточная дискурсивная практика, связанная с конструированием различных проблем безопасности (Buzan, Waever, de Wilde 1998).

В то же время сам Б. Бузан категорически отрицает связь «копенгагенской школы» с постмодернистскими подходами (Buzan, Waever, de Wilde 1998; Buzan 1997). И действительно, трактовка безопасности как дискурсивной практики парадоксальным образом соседствует в его теории с признанием самостоятельного субстанциального статуса ее референтных объектов (будь то индивиды, государства или общества). Как таковые они, вопреки положениям постмодернистской философии, признаются существующими до и вне дискурса и, как следствие, обладающими объективными интересами и целями.

Рассматриваемая таким образом, концепция секьюритизации теряет весь свой постмодернистский смысл и превращается просто в еще один термин, служащий для описания процесса расширения исследовательского поля безопасности в теории международных отношений, когда в него начинают включаться все новые, невоенные по своей природе вызовы и угрозы. Подобное выхолащивание этой концепции представляется методологически неоправданным и даже ошибочным, поскольку оно размывает объективно существующие границы между различными исследовательскими парадигмами в области международных отношений.

Поэтому далее мы будем исходить именно из первоначального узкого, постмодернистского понимания теории секьюритизации. Это тем более оправданно, что в рамках данной теории был разработан целый ряд конкретных методологических рекомендаций, позволяющих операционализировать традиционно достаточно абстрактные постмодернистские идеи в виде вполне строгой исследовательской программы, механизма изучения процессов секьюритизации.

Так, важным маркером этих процессов является алармистская риторика, которая призвана обозначить существование экзистенциальной угрозы и которая содержит призывы к экстренным мерам. Ключевыми элементами процесса секьюритизации являются: референтный объект (о чьей безопасности идет речь), секьюритизирующий актер (тот, кто говорит о безопасности), и функциональный актер (тот, кто непосредственно не участвует в процессе секьюритизации, но чья позиция важна для его успеха) (Buzan, Waever, de Wilde 1998). К этим элементам часто добавляют еще аудиторию — тех, кому непосредственно адресован процесс секьюритизации и от чьей реакции зависит его конечный результат (Balzacq 2011).

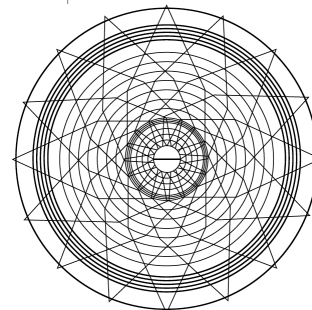
Рассмотрение под этим углом зрения работ представителей «алармистского» направления в российских исследованиях «мягкой силы» позволяет по-новому взглянуть на некоторые их тезисы и прийти к более широким выводам и обобщениям.

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

Секьюритизация дискурса «мягкой силы»

в российских международно-политических исследованиях

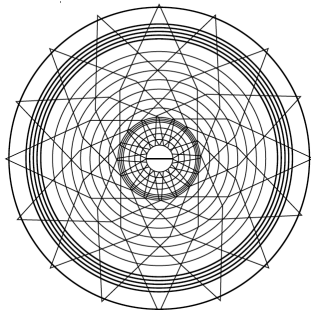
Секьюритизирующие практики в российских исследованиях «мягкой силы»

Как было отмечено выше, отличительным и в действительности классообразующим признаком данного направления является яркая, эмоционально нагруженная алармистская риторика. В контексте развития современных российско-американских отношений, представители данного направления склонны рассматривать «мягкую силу», с одной стороны, как синоним пропаганды, особый инструмент информационно-психологической войны, комплекс изоощренных манипулятивных политтехнологий, с другой — как элемент более масштабной системы непрямого силового давления со стороны США на других участников международных отношений, ведения ими гибридной войны (Ремарчук 2016; Матвеев, Галаева 2015; Филимонов, Карпович, Манойло 2015; Подберезкин 2015; Демидов 2014). В этой связи, к числу средств «мягкосилового» воздействия США причисляются тайные операции и агентурная работа американских спецслужб, прежде всего, ЦРУ (Филимонов, Карпович, Манойло 2015).

Совершенно особое место в работах представителей «алармистского» направления в исследованиях проблематики «мягкой силы» занимают сюжеты, связанные с цветными революциями (Костина 2019; Цветкова 2019; Наумов 2016; Микрюков 2016; Ремарчук 2016; Подберезкин 2015; Филимонов, Карпович, Манойло 2015;). Причем к последним относятся не только череда политических кризисов на постсоветском пространстве в 2000-е – первой половине 2010-х гг., но и события так называемого Арабского пробуждения. В объяснении причин зарождения протестного движения в странах, охваченных социальным брожением, ключевая роль отводится деятельности различных (про)американских мозговых центров, неправительственных организаций и фондов, чьими инструментами и проводниками влияния становятся современные информационные технологии, прежде всего – социальные медиа (Костина 2019; Морозов 2017; Микрюков 2016; Наумов 2016; Филимонов, Карпович, Манойло 2015).

Таким образом, в работах «алармистского» направления рисуется картина постоянно нарастающей экзистенциальной угрозы, источником которой является подрывная деятельность американских спецслужб, применяющих под маской «мягкой силы» самый широкий спектр как традиционных, так и новейших методов информационно-психологической войны, причем масштабы этой угрозы в полной мере не осознаются ни лидерами страны, ни российским обществом в целом.

Собственно, именно политическое руководство, элиты, с одной стороны, и широкие слои населения — с другой, и являются основными референтными объектами процессов секьюритизации дискурса «мягкой силы» в алармистских исследованиях (Подберезкин 2015). В частности, отмечается, что целью цветных революций как инструментов «мягкой силы» является нейтрализация традиционных элит (Подберезкин 2015); на их дискредитацию внутри страны и на

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

*Секьюритизация дискурса «мягкой силы»
в российских международно-политических исследованиях*

международной арене направлены пропагандистские операции в рамках информационной войны. Фокусом кристаллизации этих усилий западных политехнологов становится фигура президента России (Филимонов, Карпович, Манойло 2015).

Если при создании образа экзистенциальной угрозы правящим элитам в работах «алармистского» направления используется в целом рациональная аргументация, акцентирующая опасность дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране путем манипуляций общественным мнением, искусственного разжигания этнических и социальных противоречий, в результате деятельности (про)западных СМИ и неправительственных организаций, то когда в качестве референтного объекта выступает общество, народ в целом, на первый план выходят несколько иные сюжеты.

Так, можно встретить утверждения, что конечной целью различных практик «мягкой силы», направленных на широкие слои населения, является «переформатирование и перекодирование ментальных сред и культурно-цивилизационных особенностей обществ. Результатом воплощения такого рода шагов становится “толерантное” в самом худшем понимании этого слова, слабое, лишенное исторической памяти и цивилизационных корней управляемое извне, состоящее из “матричных ячеек” общество “биороботов”» (Филимонов, Карпович, Манойло 2015: 312–313). Российское общество предстает как потенциальная жертва проекта глобальной социальной инженерии (Бельков 2016; Филимонов, Карпович, Манойло 2015), разработчиками и проводниками которого выступает ряд американских исследовательских институтов, НПО и фондов.

Особое беспокойство у представителей «алармистского» направления вызывает в связи с этим позиция российской молодежи. Отмечается, что молодежь традиционно отличается наибольшей политической активностью, склонностью к протесту, падкостью на яркие лозунги, является главной целевой аудиторией информационного воздействия, реализуемого посредством массовой культуры и, особенно, социальных медиа. В совокупности эти качества превращают именно молодежь в главную социальную опору инспирированных западными (американскими) спецслужбами протестных движений и «расходный материал» цветных революций (Костина 2019; Микрюков 2016; Филимонов, Карпович, Манойло 2015). Все это позволяет говорить о том, что в процессе «секьюритизации» дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях молодежи отводится роль функционального актора: не будучи адресатом секьюритизирующей риторики или главным референтным объектом, она, тем не менее, в значительной степени определяет успех данного «речевого акта». Именно к молодежи обращен призыв алармистски настроенных авторов проявить политическую сознательность и бдительность.

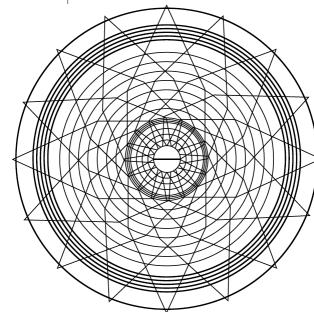
Конечным же адресатом, подлинной аудиторией, на которую направлен секьюритизирующий дискурс «мягкой силы», являются государственные органы

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

Секьюритизация дискурса «мягкой силы»

в российских международно-политических исследованиях

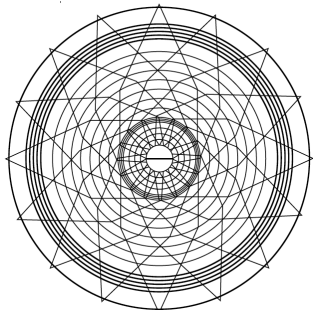

и лица, ответственные за принятие политических решений в области национальной безопасности. Алармистская риторика, характерная для рассматриваемого направления в исследованиях «мягкой силы», во многом нацелена на обоснование необходимости принятия срочных мер, призванных парировать угрозу дестабилизирующего «мягкосилового» воздействия со стороны США и Запада в целом (Матвеевко, Галаева 2015). К числу таких мер относится, прежде всего, разработка, с одной стороны, полноценной стратегии обеспечения «национальной культурной безопасности», а с другой — формирование «внешней культурной стратегии России», ориентированной уже вовне, на укрепление позитивного облика страны на международной арене (Филимонов, Карпович, Манойло 2015: 464–475, 507).

О востребованности подобной риторики может свидетельствовать тот факт, что в 2015 г. с инициативой разработки особой, российской концепции «мягкой силы» выступило Министерство обороны. В рамках подготовки к реализации данного проекта на полях международного военно-технического форума «Армия-2015» состоялся круглый стол «Противодействие мягкой силе и цветным революциям. Возможные способы и средства». Интерес к данному вопросу сохраняется и сейчас, о чем может свидетельствовать программа VII Московской конференции по международной безопасности MCIS-2018, где была организована дискуссия на тему «“Мягкая сила” как инструмент решения военно-политических задач». Таким образом, можно говорить о, по крайней мере, частичном успехе процессов «секьюритизации» дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях.

Причем, как представляется, речь идет именно об узком, постмодернистском понимании данного процесса как особой дискурсивной практики. Дело в том, что вопреки подчеркнутой серьезности тона алармистских публикаций и объективной важности поднимаемых ими проблем, в своей аргументации они опираются не столько на эмпирические факты, сколько на яркие, но клишированные образы, неподтвержденные и умозрительные гипотезы, иногда скатывающиеся в откровенную конспирологию. Иными словами, в духе постмодернистской программы исследований международных отношений, вопрос о реальности тех или иных процессов и явлений, осознанно или нет, выносится за скобки анализа, уступая место различным риторическим приемам.

В качестве примера можно снова вернуться к феномену цветных революций. Несмотря на то, что этот сюжет является одним из краеугольных элементов «секьюритизирующего» дискурса в российских исследованиях «мягкой силы», он остается в них на удивление слабо изученным. Как правило, подобные работы ограничиваются указанием на наличие сходства сценариев развития антиправительственных выступлений как на постсоветском пространстве, так и в странах, затронутых Арабским пробуждением (Костина 2019). Затем обычно следует пространный пересказ работ Д. Шарпа, призванный обосновать тезис об искусственно спровоцированном характере протестного движения, за которым неизменно стоят враждебные внешние силы (Филимонов,

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

*Секьюритизация дискурса «мягкой силы»
в российских международно-политических исследованиях*

Карпович, Манойло 2015). Вопрос об объективных, внутренних предпосылках социальных и политических конфликтов в странах, ставших ареной цветных революций, если и ставится, то проговаривается скороговоркой (Наумов 2016). Внимание читателя акцентируется на деятельности западных НПО, роли социальных медиа и т. п. — факторах, безусловно, сыгравших свою роль в провоцировании антиправительственных выступлений в рассматриваемых странах, но которые, однако, никак не могут являться их первоисточником или главной движущей силой. Как следствие, те вопросы, которые должны были бы быть предметом собственно политологического анализа: почему волнения вспыхнули именно в этих странах, почему именно в этот момент, почему они в дальнейшем развивались по очень непохожим траекториям и имели различные результаты и т.д. — остаются неосвещенными.

Совершенно в духе постмодернистской методологии коллективные ценности и способы самоидентификации современного общества (в том числе — российского), предстают в таких работах как некие самостоятельные дискурсивные феномены, развивающиеся по собственной логике, продиктованной их нематериальной природой, которая сообщает им особую волатильность, изменчивость, подверженность враждебному дестабилизирующему влиянию.

Подобное педалирование субъективных факторов, как представляется, препятствует полноценному раскрытию подлинных внутренних и внешних детерминант протестного движения, набирающего силу в разных уголках мира в настоящий момент и, как следствие, неизбежно препятствует выработке эффективных контрмер. В частности, в рекомендациях авторов «алармистского» направления в исследованиях проблематики «мягкой силы» можно встретить как вполне разумные предложения по разработке государственной политики в информационной сфере, так и откровенно антинаучные рассуждения о «коллективной энергии» и «ведической культуре» как одном из оснований для «духовного оздоровления народа» (Филимонов, Карпович, Манойло 2015: 477).

Важно подчеркнуть, что проведенное исследование секьюритизации дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях не преследует цель преуменьшить опасность угроз национальной безопасности Российской Федерации, исходящих из информационной сферы. Нет оснований сомневаться, что в настоящий момент Россия является объектом интенсивного информационно-пропагандистского воздействия, приобретающего временами характер полноценной информационной войны. Вопрос заключается в правильной оценке характера и возможных результатов этого воздействия, выработке адекватных ответных мер.

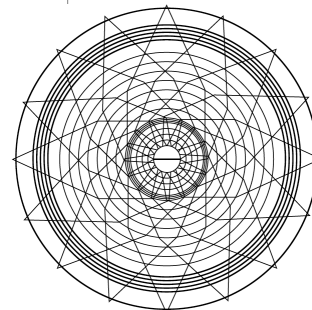
И в этом отношении критический анализ секьюритизирующих практик в исследованиях «мягкой силы» дает богатую пищу для размышлений. Имея в своей основе стремление содействовать поддержанию национальной безопасности в турбулентной международной обстановке, алармистские работы

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

Секьюритизация дискурса «мягкой силы»

в российских международно-политических исследованиях

могут иметь эффект прямо противоположный. В объяснении движущих сил мировой политики они склонны абсолютизировать роль субъективных факторов, наделять политические концепции фантастической трансформирующей силой, создавать иллюзию абсолютной управляемости международно-политических процессов, якобы прямо подчиняющихся воле тех или иных государств или властных группировок внутри них.

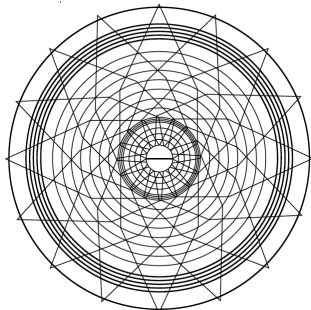
В основе подобных оценок и выводов, как это ни парадоксально, лежат ровно те же методологические и, шире, философские основания, которые обуславливают широко распространенные как в отечественной, так и в зарубежной политической науке представления о принципиальной непредсказуемости, изменчивости и волатильности современных международных отношений.

Эти, на первый взгляд, взаимоисключающие выводы роднит принадлежность к идеалистической философской традиции с ее фиксацией на субъективности научного знания, которая в своих крайних проявлениях ведет либо к эмпирицизму, либо к эпистемологическому релятивизму, а в более мягкой форме — к утверждению представлений о том, что экономические, политические, социальные, культурно-идеологические процессы развиваются по параллельным трекам, по своей собственной, особой логике, и, соответственно, могут быть познаны и поняты в отрыве друг от друга.

Подобные методологические предпосылки опасны тем, что они препятствуют выявлению и изучению объективных экономических, социальных и политических закономерностей развития международных отношений в их системной взаимосвязи, лишь углубляя разрыв между теорией и нуждами прикладного политического анализа и мешая выработке рациональных и эффективных внутри- и внешнеполитических стратегий. Данные негативные тенденции становятся особенно опасными, когда речь идет о необходимости принятия взвешенных стратегических решений в условиях нарастающего внешнего давления и ограниченности ресурсов, а именно в такой ситуации находится сейчас Российская Федерация. Таким образом, анализ процессов секьюритизации дискурса «мягкой силы» дает возможность взглянуть на более широкий круг проблем и, возможно, найти новые подходы к их решению.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта N° 18-311-00088

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеева Т. (2016) «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений. И.В. БОЧАРНИКОВ (ред.) Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве, М.: Изд-во «Экон-Информ»: 27–50.

Антюхова Е. (2019) Образование в политике мягкой силы США. Полис. Политические исследования, 2: 123–136. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.09>

Белов С. (2018) Проблемы и перспективы измерения «мягкой силы». Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика, (10)1: 165–184.

Бельков О. (2016) «Мягкая сила»: слова и смыслы. И.В. БОЧАРНИКОВ (ред.) Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве, М.: Изд-во «Экон-Информ»: 51–80.

Братерский М., Скриба А. (2014) Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 9(2): 130–144.

Воинов Д. (2015) «Мягкая сила» игр Сочи-2014 и зарубежные медиа: анализ политико-информационного фона российской Олимпиады. Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика, 7(2): 155–181.

Демидов А. (2014) От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». Международные отношения, 2: 230–236. <https://doi.org/10.7256/2305-560x.2014.2.10355>

Иванов В., Иванова М. (2015b) «Charts Power» – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент «мягкой силы». Часть 2. Вестник РУДН. Серия Политология, 3: 7–34.

Иванов В., Иванова М. (2015a) «Charts Power» – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент «мягкой силы». Часть 1. Вестник РУДН. Серия Политология, 2: 36–51.

Кокошин А., Громыко А., Сидоров А. (ред.) (2014) «Жесткая» и «мягкая сила» в мировой политике: теория и практика применения, М.: Издательство Московского университета.

Королев В., Владимирова А., Трунина А. (2014) Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы». Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 9(2): 209–228.

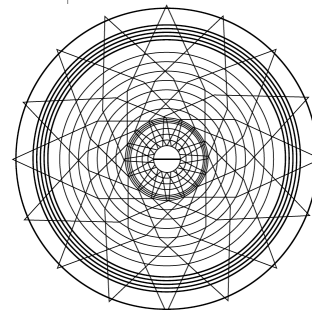
Косачев К. (2012) Не рыбу, а удочку. Россия в глобальной политике. URL:<http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642>

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

Секьюритизация дискурса «мягкой силы»

в российских международно-политических исследованиях

Костина А. (2019) «Мягкая сила» как «жесткая сила»: «цветные революции». Знание. Понимание. Умение, 1: 171–183. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.13>

Лебедева М. (2017) «Мягкая сила»: понятие и подходы, Вестник МГИМО Университета. 54(3): 212–223.

Леонова О. (2013) Мягкая сила – ресурс внешней политики государства, Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer, 4(279): 27–40.

Леонова О. (2014) «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния, Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer, 3(290): 18–28.

Матвеев Ю., Галаева М. (2015) «Мягкая сила» как фактор современной геополитики. PolitBook, 1: 165–179.

Микрюков В. (2016) «Мягкая сила» и «цветная революция». И.В. БОЧАРНИКОВ (ред.) Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве, М.: Изд-во «Экон-Информ»: 152–160.

Морозов Ю. (2017) «Мягкосиловой арсенал» США как угроза для безопасности государств ШОС. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 13(12): 2363–2380.

Най Д. (2014) Будущее власти, М.: АСТ.

Наумов А. (2016) «Мягкая сила» и «цветные революции». Российский журнал правовых исследований, 6(1): 73–86.

Панова Е. (2010) Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике. Вестник МГИМО Университета, 13(4): 91–97.

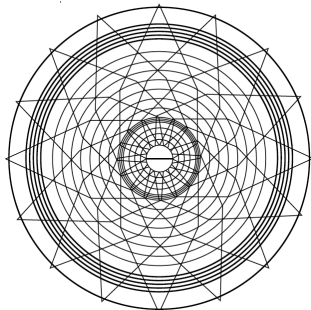
Паршин П. (2013) Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России, М.: МГИМО-Университет.

Паршин П. (2014) Два понимания «мягкой силы»: Предпосылки, корреляты и следствия. Вестник МГИМО Университета, 35(2): 14–21.

Песцов С., Бобыло А. (2015) «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта. Вестник Томского государственного университета. История, 34(2): 108–114. <https://doi.org/10.17223/19988613/34/18>

ПОДБЕРЕЗКИН А. (ред.) (2015) Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т., М.: МГИМО–Университет.

Ремарчук В. (2016) «Социальные технологии» как инструмент разрушения современной государственности. И.В. БОЧАРНИКОВ (ред.) Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве, М.: Изд-во «Экон-Информ»: 15–26.

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

*Секьюритизация дискурса «мягкой силы»
в российских международно-политических исследованиях*

Торкунов А. (2013) Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. Российский совет по международным делам. [URL:https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovanie-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/)

Филимонов Г., Карпович О., Манойло А. (2015). Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: РУДН.

Харитоновна Е. (2015) Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки. Мировая экономика и международные отношения, 6: 48–58.

Цветкова Н. (2019) Дискурс «цветных революций». Постсоветские исследования, 2(2): 940–950.

Юдин Н. (2014) Жесткий взгляд на мягкую силу: критический анализ монографии Дж. Ная "Будущее власти". Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика, 6(2): 134–163.

Юдин Н. (2017) Расширение проблематики исследований безопасности. Международные процессы, 15(1): 60–78.

Balzacq T. (2011). Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203868508>

Buzan B., Waever O., Wilde J.D. (1998) Security. A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner.

Buzan B. (1997). Rethinking Security After the Cold War. Cooperation and Conflict, 32(1): 5–28. <https://doi.org/10.1177/0010836797032001001>

Ernst&Young, Moscow School of Management Skolkovo (2012) Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012.

[URL:https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2012-02-02_en.pdf](https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2012-02-02_en.pdf)

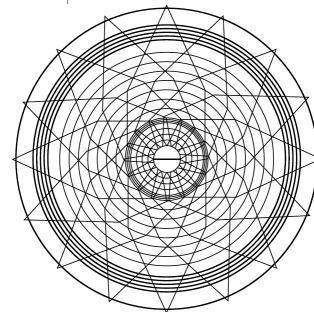
Bryane M., Harwell C., Nureev B. (2014) Soft Power: A double-edged Sword? BRICS Business Magazine. [URL:https://bricsmagazine.com/en/articles/soft-power-a-double-edged-sword](https://bricsmagazine.com/en/articles/soft-power-a-double-edged-sword)

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

Секьюритизация дискурса «мягкой силы»

в российских международно-политических исследованиях

RUSSIAN INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES: SECURITIZATION OF THE 'SOFT POWER' DISCOURS

Yudin N.V.

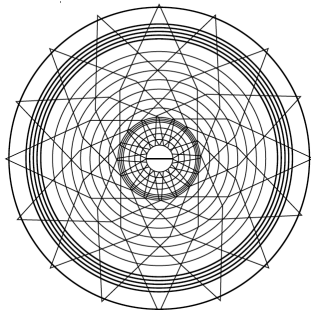
PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Process of the School of World Politics at the Lomonosov Moscow State University, Deputy Director for Research and Development, Center for Security and Development Studies (Moscow, Russia)

nicolas.yudin@gmail.com

Abstract:

Due to the nature of the subject, political studies have always been marked by pronounced ideological bias and high dependence on sociopolitical context bordering at times on outright opportunism. Studies of 'soft power' serve a perfect example in that regard. For instance, the so called Ukrainian crisis seems to constitute a milestone in Russian studies of 'soft power', dividing them into 'before' and 'after'. Since 2014, overly negative assessments of the 'soft power' concept have become increasingly popular. Their proponents regard 'soft power' as a euphemism for manipulative political technologies aimed at destabilizing situation in certain countries; as a mere smokescreen for a wholesale information warfare led by the West under the leadership of the United States against their political rivals. While reflecting objective trends in the development of international relations, like the increasing competition among the leading centers of power, such views constitute an interesting phenomenon in itself allowing one to better understand the current state of IR studies. For that purpose, the author applies securitization theory to examine academic articles which represent an 'alarmist' trend in the Russian studies of 'soft power'. The paper is based on a narrow, postmodern understanding of this theory, according to which security is a particular discursive practice and the term 'securitization' is used to describe a specific mechanism of threats and challenges construction.

This element of securitization is quite prominent in alarmist papers, especially when it comes to the so-called 'color revolutions'. As a result, such publications while seeking to promote national security might have an opposite effect. In trying to explain the driving forces of world politics, such publications, being based on idealist philosophy, tend to overemphasize the role of subjective factors. This leads to underrating the role of objective laws of the evolution of international relations, widening the gap between theory and applied political analysis. Such negative

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

*Секьюритизация дискурса «мягкой силы»
в российских международно-политических исследованиях*

trends become particularly dangerous when it comes to strategic decision-making under increasing external pressure and in resource-limited settings as faced by the Russian Federation.

Keywords: soft power, securitization theory, national security, color revolution, postmodernism

ACKNOWLEDGEMENT

The reported study was funded by RFBR according to the research project N° 18-311-00088.

REFERENCES

Alekseeva T. (2016) «Myagkaya sila» v teorii i praktike mezhdunarodnykh otnosheniy. I.V. BOChARNIKOV (red.) Rol' tekhnologiy «myagkoy sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizatsionnom protivoborstve, M.: «Ekon-Inform» Publ.: 27–50.

Antyukhova E. (2019) Obrazovanie v politike myagkoy sily USA. Polis. Political studies, 2: 123–136. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.09>

Balzacq T. (2011). Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203868508>

Bel'kov O. (2016) «Myagkaya sila»: slova i smysly. I.V. BOChARNIKOV (red.) Rol' tekhnologiy «myagkoy sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizatsionnom protivoborstve, M.: «Ekon-Inform» Publ.: 51–80.

Belov S. (2018) Problemy i perspektivy izmereniya «myagkoy sily». Moscow University Bulletin of World Politics, (10)1: 165–184.

Braterskiy M., Skriba A. (2014) Kontseptsiya «myagkoy sily» vo vneshnepoliticheskoy strategii SShA. International Organisations Research Journal, 9(2): 130–144.

Bryane M., Harwell C., Nureev B. (2014) Soft Power: A Double-edged Sword? BRICS Business Magazine. URL:<https://bricsmagazine.com/en/articles/soft-power-a-double-edged-sword>

Buzan B. (1997). Rethinking Security After the Cold War. Cooperation and Conflict, 32(1): 5–28. <https://doi.org/10.1177/0010836797032001001>

Buzan B., Waever O., Wilde J.D. (1998) Security. A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner.

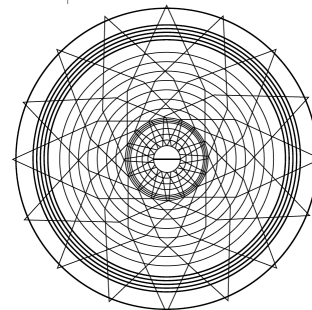
Demidov A. (2014) Ot «myagkoy sily» k «upravlyаемому khaosu». International relations, 2: 230–236. <https://doi.org/10.7256/2305-560x.2014.2.10355>

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

Секьюритизация дискурса «мягкой силы»

в российских международно-политических исследованиях

Ernst&Young, Moscow School of Management Skolkovo (2012) Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012.

URL:https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2012-02-02_en.pdf

Filimonov G., Karpovich O., Manoylo A. (2015). Tekhnologii «myagkoy» sily na vooruzhenii USA: otvet Rossii. M.: RUDN.

Ivanov V., Ivanova M. (2015a) «Charts Power» – stranovye reytingi kak ekonomicheskoe oruzhie i instrument «myagkoy sily». Chast' 1. RUDN Journal of Political Science, 2: 36–51.

Ivanov V., Ivanova M. (2015b) «Charts Power» – stranovye reytingi kak ekonomicheskoe oruzhie i instrument «myagkoy sily». Chast' 2. RUDN Journal of Political Science, 3: 7–34.

Kharitonova E. (2015) Effektivnost' «myagkoy sily»: problema otsenki. World Economy and International Relations, 6: 48–58.

Kokoshin A., Gromyko A., Sidorov A. (red.) (2014) «Zhestkaya» i «myagkaya sila» v mirovoy politike: teoriya i praktika primeneniya, M.: Moscow University Press.

Korolev V., Vladimirova A., Trunina A. (2014) Stranovoy brending i ego otrazhenie v global'nykh reytingakh «myagkoy sily». International Organisations Research Journal, 9(2): 209–228.

Kosachev K. (2012) Ne rybu, a udochku. Russia in Global Affairs. URL:<http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642>

Kostina A. (2019) «Myagkaya sila» kak «zhestkaya sila»: «tsvetnye revolyutsii». Znanie. Ponimanie. Umenie, 1: 171–183. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.13>

Lebedeva M. (2017) «Myagkaya sila»: ponyatie i podkhody. MGIMO Review of International Relations, 54(3): 212–223.

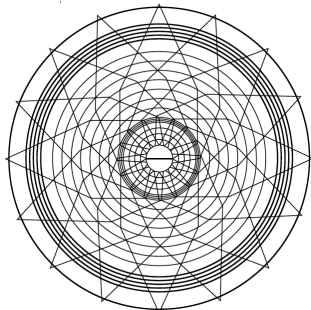
Leonova O. (2013) Myagkaya sila – resurs vneshney politiki gosudarstva, Obozrevatel'–Observer, 4(279): 27–40.

Leonova O. (2014) «Myagkaya sila»: instrumenty i koeffitsienty vliyaniya, Obozrevatel'–Observer, 3(290): 18–28.

Matveenko Yu., Galaeva M. (2015) «Myagkaya sila» kak faktor sovremennoy geopolitiki. PolitBook, 1: 165–179.

Mikryukov V. (2016) «Myagkaya sila» i «tsvetnaya revolyutsiya». I.V. BOChARNIKOV (red.) Rol' tekhnologiy «myagkoy sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizatsionnom protivoborstve, M.: «Ekon-Inform» Publ.: 152–160.

Morozov Yu. (2017) «Myagkosilovoy arsenal» USA kak ugroza dlya bezopasnosti gosudarstv SCO. National Interests: Priorities and Security, 13(12): 2363–2380.

[Научные статьи]

Юдин Н.В.

*Секьюритизация дискурса «мягкой силы»
в российских международно-политических исследованиях*

- Naumov A. (2016) «Myagkaya sila» i «tsvetnye revolyutsii». *Russian Journal of Legal Studies*, 6(1): 73–86.
- Nye D. (2014) *Budushchee vlasti*, M.: AST.
- Panova E. (2010) Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «myagkoy vlasti» v mirovoy politike. *MGIMO Review of International Relations*, 13(4): 91–97.
- Parshin P. (2013) *Problematika «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii*, M.: MGIMO-Universitet.
- Parshin P. (2014) Dva ponimaniya «myagkoy sily»: Predposylki, korrelyaty i sledstviya. *MGIMO Review of International Relations*, 35(2): 14–21.
- Pestsov S., Bobylo A. (2015) «Myagkaya sila» v mirovoy politike: problema operatsionalizatsii teoreticheskogo kontsepta. *Tomsk State University Journal of History*, 34(2): 108–114. <https://doi.org/10.17223/19988613/34/18>
- Podberezkin A. (red.) (2015) *Strategicheskoe prognozirovaniye i planirovaniye vneshney i oboronnoy politiki: monografiya: v 2 t.*, M.: MGIMO–Universitet.
- Remarchuk V. (2016) «Sotsial'nye tekhnologii» kak instrument razrusheniya sovremennoy gosudarstvennosti. I.V. BOChARNIKOV (red.) *Rol' tekhnologiy «myagkoy sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizatsionnom protivoborstve*, M.: «Ekon-Inform» Publ.: 15–26.
- Torkunov A. (2013) *Obrazovaniye kak instrument «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii*. Russian International Affairs Council. URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/obrazovaniye-kak-instrument-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike/>
- TSVETKOVA N.A. (2019) Diskurs «tsvetnykh revolyutsiy». *Postsovetskie issledovaniya*, 2(2): 940–950.
- Voinov D. (2015) «Myagkaya sila» igr Sochi-2014 i zarubezhnye media: analiz politiko-informatsionnogo fona rossiyskoy Olimpiady. *Moscow University Bulletin of World Politics*, 7(2): 155–181.
- Yudin N. (2014) Zhestkiy vzglyad na myagkuyu silu: kriticheskiy analiz monografii Dzh. Naya «Budushchee vlasti». *Moscow University Bulletin of World Politics*, 6(2): 134–163.
- Yudin N. (2017) Rasshireniye problematiki issledovaniy bezopasnosti. *International Trends*, 15(1): 60–78.